Структура Экономики Раннесредневековых Кыргызов

Economic Structure of Early Medieval Kyrgyz

Assoc. Prof. Dr. Muratbek Kozhobekov (Kyrgyzstan-Turkey Manas University, Kyrgyzstan)

Abstract

The level of the command economy is primarily determined by how it is adapted to the environment and then using only spectacular food-producing economy to nasushnoy needs of the population. The close relationship between the natural and geographical conditions and economic activities shows the ethno-political determenirovannost nomadic society. Despite the huge reservoir of the study and the availability of general works on the history of the Kyrgyz period under consideration, remain controversial questions of economic structure, species composition of herds, the existence of ancillary hozyayaystva, the value and location of the household and the level of development of commodity-money relations. The use of empirical research base and the historical and cultural interpretation of material evidence allow rekonstruktrirovat structure of the economy and the Kyrgyz life.

Уровень развития кочевой экономики определяется прежде всего, насколько она адаптирована к окружающей среде и потом только эффективным использованием производящего хозяйства к насущной нужде населения. Тесная связь между природно-географическими условиями и хозяйственной деятельностью показывает этнополитическую детерминированность кочевого общества. Несмотря на огромный пласт изучения и наличие обобщающих работ по истории кыргызов рассматриваемого периода, остаются спорными вопросы структуры экономики, видовой состав стада, существовании подсобного хозяйства, значение и место домашнего хозяйства и уровня развития товарно-денежных отношений. Использование эмпирической исследовательской базы и историко-культурной интерпретации материальных свидетельств дают возможность реконструировать структуру экономики и жизнедеятельности кыргызов.

По мнению некоторых ученых на территории Кыргызского каганата сформировались три основных хозяйственных уклада: земледельческий (с ведущей ролью орошаемого земледелия), скотоводческий и охотничий, которые соответствуют трем географическим зонам Южной Сибири (равнинная, горная и лесная). Эти хозяйственно-культурные уклады образовали замкнутый цикл воспроизводства и обеспечивало население страны всеми необходимыми продуктами, при этом нивелируя роль внешней экспансии. Физическая приближенность ландшафтов, вмещающих хозяйственные уклады, создала предпосылки для раннего разделения труда и развития обменных процессов.

В изучении истории древних кыргызов связь между человеком хозяйствующим и природой, их предпосылки и формы осуществления особо не затрагивался. Социоестественный подход как раз предусматривает универсальный процесс движения и взаимосвязь социума с естественной средой. Данный метод прост для понимания, но крайне труден с точки зрения практической реализации нацеленных целей и задач. Для осуществления такого подхода имеется достаточный объем информации в виде письменной, археологической, палеоботанической, климатологической, географической. Однако, проблема заключается в том, что эти данные крайне разрознены и слабо введены в исследовательский оборот.

Рельеф Южной Сибири являет собой сочетание равнин и гор. Причем на любом широтном срезе представлены как равнины, так и горные участки. Таким образом, каждый из регионов Кыргызского каганата обеспечивал сосуществование трех зон, весьма отличных по своим природным условиям, на основе которых в исторический период получили полноформатное развитие три хозяйственно-культурных комплекса. Граница государства енисейских кыргызов включала обширные пространства Южной Сибири и сопредельные территории. По сведениям китайских источников “Хягас (кыргызы - М. К.) было сильное государство, по пространству равнялось тукюеским (тюркским – М. К.) владениям”. Восточные пределы государства доходило до Прибайкалья, там где жили курыканы, на юге западе до Алтая, т.е. до страны карлуков, а северная часть проходила в районе Красноярска, где кыргызы граничили с народом боба (Бичурин, 1950: 354). По мнению Л. Н. Гумилева восточная граница кыргызов была две: основная, первая, проходила по подножию Восточных Саян, а вторая – по водоразделу Оки (приток Ангары) и Ангары. В промежутке между двумя границами жили три племена – дубо, милигэ и эчжи (Гумилев, 1967: 264). Исходя из этих соображений можно предположить, что у Кыргызского государства было две границы, первая – основная, внутри которой сконцентрировалась политическая власть и была налажена экономическая связь между регионами. Вторая граница – являлась по существу вассальной, где обитали подчиненные племена и этнические общности. Отношения между кыргызами и “вассальными” племенами были договорными и урегулировались они разными уровнями политического, экономического и военного сотрудничества. Естественно среди этих факторов существенную роль в налаживании взаимосвязи между “центром” и “периферией” играла экономическая районирование страны. Метрополия кыргызов находилась до

середины IX в. в Минусинской котловине. На территории современной Тувы, до Танну_Ола, селились телеские племена, чики и азы, известные из древнетюркских рунических надписей. В разные периоды исторического развития они находились под властью различных государств. Для кыргызов территория чиков и азов в первую очередь служила буферной зоной от захватнической политики южных соседей; во вторых, необходимые товары номадного производства.

Известно, что карлуки, чики и азы постоянно выступали в качестве политических союзников кыргызов и, скорее всего, были связаны с ними тесными отношениями.

В числе ближайших соседей кыргызов на Енисее источники называют три тукюеских (т. е. тюркских. – М. К.) аймака – дубо, милигэ и эчжи (Бичурин, 1950: 354). Дубо – одно из крупных телеских (гаогюйских) племен – описываются следующим образом: “Земли поколения Дубо к северу прилежали к Малому морю (считается, что оз. Косогол. – М. К.), на западе смежны с Хагасом (кыргызами. – М. К.), на юге с Хойху (уйгурами. – М. К.)... жили в шалашах из травы; ни скотоводства, ни земледелия, не имели. У них много сараны: собирали ее корни и приготавливали из нее кашу. Ловили рыбу, птиц, зверей и употребляли в пищу. Одевались в соболье и оленьи платье, а бедные делали одежду из птичьих перьев...

Покойников полагали в гробы и ставили в горах или привязывали на деревьях” (Бичурин, 1950: 354). Данное описание соответствует хозяйственно_культурным особенностям общества с присваивающей экономикой, характерной для лесных (или горно_таежных) районов. Несомненно при этом звучит сообщение о том, что у дубо “при свадьбах богатые давали лошадей, а бедные приносили оленьи кожи и саранные корни” (Бичурин, 1950: 348). Не менее интересно суммарное описание дубо, милигэ и эчжи, содержащееся в том же источнике: “Живут в избах, берестой покрытых. У них много хороших лошадей. В обыкновении кататься по льду на деревянных лошадях. К ногам подвязывают деревянные лыжи, а под мышками упираются на клюки. При каждом упоре подаются шагов на сто вперед чрезвычайно быстро. По ночам занимаются воровством и грабежом. Хягасы ловят их и употребляют в работу ” (Бичурин, 1950: 354).

Данные письменных памятников достаточно полно иллюстрируют хозяйственно-культурный тип (или типы) лесных племен (охотников, собирателей, рыболовов), причем, вероятно, на разных стадиях развития. Первым это отметил С. В. Киселев, выделяя в горно_таежной области, расположенной к востоку от территории расселения енисейских кыргызов, три района: I – наиболее восточный, к западу от р. Селенги – “его население не знало ни лошадей, ни овец.

Домашним скотом были олени. Ими, по_видимому, питались, на них ездили, шкуры их употребляли на одежду. Охота на соболей была одним из важных промыслов. Жили в деревянных низких юртах»; II – северо_западнее Косогола в восточно_сянской тайге – здесь “обитало население, отличавшееся иным охотничье_рыболовецким бытом. Оно питалось рыбой, зверем и птицей, а также дикорастущей сараной, приготавливая из ее корней кашу. Лишь у немногих имелись олени и лошади, жилищем служили шалаша” (этот вариант соответствует приведенному выше описанию дубо и эчжи); III – наиболее высокий, в Западном Прибайкалье и Канском районе, где “как и на Енисее, занимались скотоводством, а местами и пашенным земледелием. Жилища здесь были более совершенные – деревянные срубы, крытые берестой” (Киселев, 1951а: 31). К последнему типу, по классификации С. В. Киселева, относились и крайние восточные соседи енисейских кыргызов – курыканы (кит. гулигань), которые описываются в письменных источниках как самый северный из всех телеских народов, занимающийся преимущественно коневодством (Бичурин, 1950: 348-349).

Как показывает опыт мирового хозяйствования, каждый из таких комплексов может быть вполне самостоятельным. Однако, особенность становления Кыргызского каганата предопределил тесную физическую приближенность их друг к другу.

Идеологическое осознание неразрывности хозяйственного комплекса на уровне правящей элиты наблюдается очень рано. Комплекс кыргызской руники на Енисее (памятник с р. Тэле, памятник с р. Кемчик Жыргак, памятник с д. Ачур, памятник с Бегре, памятник с Суджи), объединяют в себе картину мира как племен скотоводческих, так и принадлежащих культурному ареалу охотничье-собирательских.

Современные исследователи склонны подчеркивать длительное сосуществование культуры поливного земледелия с суходольными культурами (посо, ячмень, темное посо, конопляное семя и др.). Однако, многочисленные остатки ирригационных сооружений в Минусинской котловине говорит об общей тенденции расширения посевов пшеницы и постепенное вытеснение менее эффективных культур. Так, по сведениям “Тан шу” кыргызы предстают главным образом как народ земледельческий: “Сеют посо, ячмень, пшеницу. Мелют муку ручными мельницами; хлеб сеют в третье, а убирают в девятой луне. Вино квасят из каши”, сообщает китайский источник.

В качестве основного земледельческого орудия, судя по археологическим находкам, использовался плуг с железным наконечником, сошником или лемехом. Урожай убирали серпами; обмолотом производился при помощи специальных мельниц с жерновами. По мнению С. В. Киселева такая примитивная мельница может дать до 50 кг муки за 12 часов работы, что и говорит о значительном увеличении значения

земледелия (Киселев, 1951: 320-321). К этому следует добавить находки в погребениях, сельскохозяйственных орудий и обломков жерновов на поселениях, наличие развитого керамического производства и металлургии. Население кыргызов в начале становления Кыргызского каганата составляло около 400 тысяч человек и они могли выставить 80 тысяч войска. Судя по Карабалгасунской надписи численность кыргызов к началу IX века достигло до двух миллионов человек. Тем не менее не вдаваясь в достоверность данного памятника, следует заметить, что это свидетельствует о высокой степени самоорганизации кыргызского общества и разумеется, это могло произойти лишь на основе производства значительного прибавочного продукта. Интенсификация кыргызского хозяйства проходила по двум следующим направлениям: во-первых, широкое применение металлических орудий труда; во-вторых, устройство ирригационных систем, что потребовало кооперации общества. Для сооружения ирригационных систем кыргызы использовали пленных из горно-таежных племен, как дубо, милигэ и эчжи.

В результате значительно увеличилась площадь обрабатываемой земли, возросло количество населения, которое могло прокормиться с нее, усилилась общая централизация жизни.

Земледелие у кыргызов носило пашенного направления, которое невозможно без домашнего скотоводства. По данным “Тан шу” в кыргызском хозяйстве “были верблюды и коровы, но более коров и овец” или “верблюдицы, быки, бараны, особенно много быков”. Крупный рогатый скот несомненно использовался кыргызами как тягловая сила в земледельческом производстве. “Богатые землепашцы, отмечает тот же китайский источник, - водят их несколько тысяч голов” (Бичурин, 1950: 351-353).

Некоторая часть кыргызов занималась отгонным скотоводством. Это подтверждается составом скота – лошади, овцы, верблюды, т.е. требующим именно такой формы содержания животных; видами пищи или по сведениям китайских источников “они питались мясом и кобыльим молоком”; типом жилища – “кыргызы жили в палатках, обтянутой войлоками”; обычаями или “они при браках калым платили лошадьми и овцами” (Бичурин, 1950: 353).

По сведениям восточных авторов жители таежных районов занимались охотой и платили дань кыргызам “соболями и белкою”.

Представляется, что сложившийся в Кыргызском каганате хозяйственно-культурный комплекс ограничивал экспансию во внешний мир: цикл воспроизводства имел замкнутый и самодостаточный характер и территория Минусинского края располагала всем необходимым для его поддержания. Главными условиями самодостаточности были: комплексный характер хозяйства, что сопутствовала ему комплекса территориальной агрессивности; а также Саянские горы служили естественной границей сдерживания агрессии извне и в свою очередь со стороны кыргызов за Саяны.

Объективно существовавшие исторические факторы служили в канонизации культа предков, в особенности почитания авторитета старших, правителей и наставников. Вся эта социальная политика была направлена для поднятия политической и экономической мощи страны.

Литература

- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. М.; Л., 1950.
- Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.; Л., 1967. С. 264.
- Киселев С. В. Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан, 1951а.
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.